

ГАЛА НАУМОВА

кандидат филологических наук,
писатель, переводчик, преподаватель
Петербургского университета культуры и искусств

Галина Валерьевна Наумова 8 лет была научным сотрудником института компаративных исследований в Мюнхене. С 1998 года живет и работает в Париже. Автор книг по истории и поэтической антропологии, изданных во Франции, Германии, Чехии, Болгарии и других странах. Инициатор и организатор больших международных проектов под эгидой ООН и ЮНЕСКО, таких как «Понимание «прогресса» в разных культурах или «Интеркультурная визуальная библиотека 20 века» (ЮНЕСКО, телеканал ARTE (Германия, Франция), Интервью с легендами 20 века и лауреатами Нобелевской премии. Книга мудрости (Le livre des savoirs), 2007, изданная в Париж Грассе, имела интернациональный успех и переведена на 18 языков.

ПРОЕКТ «НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР»

Встречи интеллектуалов

В конце прошлого года выдающемуся французскому антропологу Клоду Леви-Строссу исполнилось 100 лет. Это событие широко отмечалось во всем мире, потому что имя этого легендарного ученого, основателя структурализма, ознаменовало собой целую эпоху в современной науке. Немногие современные французские интеллектуалы могут гордиться такой всемирной известностью и признанием. К ним можно отнести, без сомнения, Пьера Бурдьё, Эммануэля Левинаса, а также Жиля Делеза, Лео Тар, Мишеля Фуко, Жака Дерриду, Жана Бодриера — все они, к сожалению, уже ушли из жизни. Можно добавить еще несколько имен, ныне живущих, таких, например, как Юлия Кристева и Ален Бадью, и на этом список современных французских мыслителей, переведенных на русский язык и известных широкому кругу российской интеллектуальной общественности, пожалуй, исчерпывается.

Между тем имена Эдгара Морена, Рене Жирара, Режиса Дебрэ, Поля Вирильо, Мишеля Серра и других ведущих представителей французской интеллектуальной жизни, известные во всем образованном мире, далеко за пределами Франции и Европы, вследствие отсутствия переводов на русский язык значительно менее известны в России.

Все из вышеперечисленных французских интеллектуалов являются нашими современниками, активно работают в разных университетах мира, участвуют в конференциях, и мы теоретически еще имеем шанс, так сказать, при жизни познакомиться с ними.

В этом нам поможет большой международный интеллектуальный проект, запланированный Францией и Россией на 2010 год.

Сегодня Россию и Францию связывают тесные, плодотворные контакты в разнообразных сферах. При этом обе страны заинтересованы в углублении и в расширении диалога, тем более, что Россию и Францию связывают давние и богатые традиции. Подтверждением этой заинтересованности стало принятое Президентами двух стран решение о проведении в 2010 году Национальных годов России во Франции и Франции в России. Национальным координатором проекта с российской стороны является М. Е. Швыдкой.

В рамках культурных мероприятий Года России во Франции и Года Франции в России предусмотрена большая программа культурных мероприятий. Это театральные представления, опера, концерты, выставки.

Франция станет почетным гостем салона «Non Fiction» в Москве в ноябре–декабре 2010 года, где 16 крупных авторов гуманитарного и социального плана встретятся с российской публикой и специалистами. Большой фестиваль классической музыки разных жанров — барочная опера, сольные концерты, камерные оркестры и ансамбли, вокалисты и инструменталисты, классика и современность — представят французскую музыкальную осень в Москве и других регионах России. В музее имени Пушкина в Москве будет представлена экспозиция «Парижская школа» — 250 полотен русских художников, работавших в Париже с 1900 по 1940 год.

В сезоне 2009–2010 годов ряд российских театров ожидает постановщиков из Франции.

Помимо выставок, театрализованных представлений и концертов программой двустороннего сотрудничества предусмотрен также ряд встреч между российскими и французскими интеллектуалами как во Франции, так и в России. Ведь надежным средством для лучшего взаимопонимания был и остается диалог интеллектуальных элит. Тем более, что нам есть чему поучиться у французов. Например, столь недостающей нам продуктивной практике сотрудничества авторитетных представителей интеллектуальных и университетских кругов с политиками, той замечательной традиции, которая с давних времен жива во французской истории и по праву является одним из важных достижений цивилизации.

С одним из таких проектов, в котором примут участие ведущие французские интеллектуалы, заслужившие известность не только своими

научными трудами и оригинальным мышлением, но во многом и их общественно-политическим ангажементом, мы хотим вас познакомить. Речь пойдет о проекте «На перекрестке культур», местом проведения которого в России станут обе российские столицы. В университетах Петербурга и Москвы в течение 2010 года будут проходить встречи с такими французскими интеллектуалами как Эдгар Морен, Режиc Дебрэ, Мишель Серр, Юлия Кристева, Жан Франсуа Колоссимо, Поль Вирильо.

Этот проект был представлен франко-российскому Комитету Годов Франции и России французской ассоциацией МИРАКЛЬ¹) и Центром интеркультурного диалога замка Орион по идее президента ассоциации и директора центра Галины Наумовой.

Цель данного проекта состоит в том, чтобы познакомить французские интеллектуальные и университетские круги с ведущими направлениями интеллектуальной жизни современной России, в личном контакте и открытом диалоге обменяться мнениями по самым важным вопросам с представителями французской интеллектуальной общественности. Живое общение и интеллектуальный дискурс, а также публикации по результатам встреч и перевод наиболее ярких трудов участников на русский язык будут способствовать общему вкладу Франции и России в создание единого культурного пространства и углублению понимания культур.

Итак, с кем из французских интеллектуалов нам предстоит встретиться в 2010, и чем обусловлен выбор именно этих участников?

Концепция и критерий выбора участников проекта встреч с французскими интеллектуалами (Эдгар Морен, Режиc Дебрэ, Юлия Кристева, Мишель Серр, Поль Вирильо), запланированного на 2010 год в Петербурге, непосредственно связаны также с уже осуществленным большим международным проектом «Интеркультурная библиотека 20 века».

Проект «Интеркультурная библиотека 20 века» (1997–2007) проходил под эгидой ЮНЕСКО в сотрудничестве с телеканалом АРТЕ и парижским издательством ГРАССЕ. Авторами проекта являются антропологи член гарвардской Академии профессор Константин фон Бавлевен и его коллега доктор Галина Наумова.

Этот большой интердисциплинарный проект представляет собой серию интервью с наиболее яркими представителями из разнообразных областей знания, науки, техники, политики, религии, культуры, что поз-

¹ В расшифровке аббревиатуры и переводе с французского МИРАКЛЬ означает «международные встречи артистов, художников, писателей и ученых». Название — программа и цель будущих и уже реализованных проектов. Среди последних проектов (2007–2008) следует назвать интеркультурные встречи в замке Орион, Франция (в сотрудничестве с Петербургским университетом культуры и искусств) на тему: *Ницше и Лу Саломе. Европа без вражды и насилия*. В этой встрече приняли участие российские, французские и немецкие специалисты. Главным гостем встречи был крупнейший французский знаток творчества Ницше, президент Европейского университета профессор Жан Пьер Фай. В мае 2008 в замке Орион в рамках проекта «На перекрестке культур» прошла встреча известного французского социолога, советника президента Франции Эдгара Морена с Иберо-американским Форумом, объединившем 200 университетов Латинской Америки, Испании, Португалии и Италии на тему *Новая теория коммуникаций 21 века*.

волило создать документацию значительных идей и достижений 20 века в контексте разных культур и религий с перспективой на будущее, с учетом философского, политического, экономического, культурного и экологического факторов.

В проекте участвовали такие всемирно известные французские интеллектуалы как: Клодт Леви-Стросс, психоаналитик и лингвист Юлия Кристева, философ-медиолог Режи́с Дебрэ, кардинал Поль Пупар, критик современной цивилизации Поль Вирильо, а также лауреаты Нобелевской премии писатели Эли Визель, Надин Гордимер из Южной Африки и Воле Зоинка из Нигерии, польско-литовский поэт Кшеслав Милош, русско-бельгийский физик и химик Илья Пригожин, политики Бутрос-Бутрос Гали и Вацлав Гавель, легенды архитектуры Филип Джонсон и Оскар Нимеер, французский скульптор Луиза Буржуа, живущая в Нью Йорке, мексиканский писатель Карлос Фуэнтес, польский философ Лесчек Колаковский; живущие в Париже арабский поэт Адониси, бразильский фотограф Себастиано Сальгадо, гарвардские профессора биолог-эволюционист Стивен Д. Гулд (**Stephen Jay Gould**), **экономист Д.Кеннет Голбрайт**, политолог Самюэль Хантингтон, теолог и философ религий Раймундо Паникар и др.

Результатом проекта стали фильмы (ARTE) и книга «Le livre des savoirs» (**Книга мудрости**), изд-во Грассе, Париж, которая имела интернациональный успех и переведена на 18 языков. Проект «Интеркультурная библиотека 20 века» к русскому изданию готовится издательством ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ, Москва

Каким образом и где планируется провести встречи?

Говоря о географии проекта, в первую очередь были названы Санкт-Петербург и Москва, но на основе заявленного интереса университетов страны возможно расширение программы и включение в нее других городов России.

В рамках проекта предполагается знакомство с творчеством каждого из участников, а также встречи и дискуссии с российскими интеллектуалами и широкой интеллектуальной общественностью. В заключение возможно участие французских интеллектуалов в телепрограмме М. Е. Швыдкого «Культурная революция».

В центре внимания дискуссий французских и российских интеллектуалов находятся глобальные вопросы современного мира и современного человека.

Прежде всего, это вопросы выживания человечества (экология, ресурсы, терроризм);
вопрос об ответственности ученых за результаты своего труда (генная инженерия, атом);
соотношение богатства и бедности в мире, вопросы культурной идентичности и глобализации;
проблема соотношения западной технологии со всем многообразием мировых культур;

возрастание в мире этнических и религиозных конфликтов, фундаментализма как формы антимодернизма;
 роль трансцендентального в перспективе постепенной секуляризации мира и потери духовности;
 роль религии в современном мире;
 взаимоотношение науки, религии и политики;
 урбанизация мира и потеря языкового богатства и культурного разнообразия;
 вопрос о морали власти и относительности свободы;
 вопрос о власти рынка и культе денег в современном мире, о кризисе европейского духа и поиске новых путей и создании новых мифов, о роли средств массовой информации и коммуникации.

По результатам встреч и дискуссий предлагается осуществить ряд публикаций, в первую очередь в альманахе *Русский миръ*, а также в журналах *Вестник Европы* и *Вопросы философии*. Кроме этого, запланированы перевод и публикации отдельных трудов французских участников, например, «К политике цивилизации» Эдгара Морена, «Ослепшие просветители» Режиса Дебрэ или «Кто он твой бог?» Поля Пупара, которые будут осуществлены в соответствии с пожеланиями российских издательств.

В качестве подготовки к встечам с французскими интеллектуалами предлагаем беседу с Режисом Дебрэ, проведенную Константином фон Барлевеном и Галиной Наумовой в рамках проекта «Интеркультурная библиотека 20 века».

С философом Режисом Дебрэ беседуют Константин фон Барлевеин и Галина Наумова

Режис Дебрэ — один из наиболее известных и оригинальных представителей современной французской интеллектуальной сцены, теоретик, философ, социолог и писатель, автор многих книг и статей. Дебрэ считается основателем нового учения под названием «медиаология», которое исследует, какими медиа-средствами пользуется та или иная идеология, власть, религия для своего существования. В настоящее время он возглавляет комитет директоров Европейского института науки и религии в Париже.

Режис Дебрэ родился в Париже в 1940 году. Его отец был адвокатом и участником антифашистского Сопротивления, мать — Жанин Александра Дебрэ — сенатор, убежденный сторонник генерала де Голля. После окончания философского факультета Сорбонны в 1961 году Режис Дебрэ был отправлен через Нью-Йорк и Майами на Кубу, где ему предстояло работать в рамках образовательной программы. В 1962 году Дебрэ снимал документальный фильм о герилье в Венесуэле и некоторое время жил и работал вместе с повстанцами. Вернувшись во Францию он опубликовал в журнале Сартра «*Le Temps modern*» статью об освободительной борьбе в Латинской Америке.

В апреле 1967 года Дебрэ был схвачен боливийскими военными и приговорен к 30 годам тюрьмы. Три года он провел в заключении и был

освобожден в период короткого пребывания у власти генерала Хуана Хосе Торреса благодаря вмешательству французского правительства и вследствие активного интернационального протеста. После освобождения Дебрэ жил у чилийского поэта Пабло Неруда и был близок к кругу президента Сальвадора Альенде, о котором он позднее опубликовал книги и статьи. После падения правительства Альенде Дебрэ вернулся на родину. В своем романе «Горящий снег», который в 1977 году был удостоен Prix Fémina, он рассказал о своем революционном прошлом и воздвиг литературный памятник Монике Эртль, немецкой участнице освободительной борьбы, погибшей в Боливии.

Позднее Дебрэ дистанцировался от своего революционного прошлого. После победы на выборах Франсуа Миттерана в июне 1981 года Дебрэ стал его советником по делам «третьего мира».

К наиболее известным книгам писателя относится его биография «Жизнь за жизнь», «Интеллектуальная власть во Франции» (*Le Povoit intellectuel en France*), «Основной курс медиологии» (*Cours de médiologie générale*), «Критика политического разума или религиозное бессознательное» (*Critique de la raison politique ou l'inconscient religieux*), «Жизнь и смерть образа» (*Vie et mort de l'image Vie et mort de l'image. Une histoire du regard en Occident*). Из последних больших произведений следует назвать «Священный огонь» (*Le Feu sacré*, 2001) — исследование о влиянии Бога на *l'homme religieux* на основе глубокого антропологического и теологического сравнительного анализа — и нашу новую книгу «Бог. История одного маршрута» (*Dieux, un itinéraire*, 2003). Маршрут этот в рамках христианства прослежен исключительно с точки зрения массовой культуры, от явления Бога Моисею на Синае до сего дня. Главным тезисом этого объемного труда стала мысль, что сейчас христианство, которое было основано на Троице, стало почти исключительно религией не Бога-Отца, а Сына. Образ Христа стал преобладающим, поскольку принцип отцовства в современном западном мире практически отвергается, дети выходят из-под власти отцов.

В ноябре 2006 года вышло в свет эссе «Ослепшие просветители» (*Aveuglantes lumières, journal en clair-obscur*), которое написано в стиле дневника с рабочими заметками, размышлениями и замечаниями как личного, так и общественного характера, отсюда, как объясняет сам автор, и название *journal en clair-obscur*. Толчком к написанию этого эссе послужил недавний международный скандал, связанный с появлением в средствах массовой информации карикатуры на пророка Магомета. В связи с этим автор задает вопрос: «Возможно ли сегодня в условиях конфликтного многополярного мира и особенно в диалоге с исламом объяснить различие между западным и исламским миром на основе идеологии Просвещения. Дебрэ дает однозначно отрицательный ответ, аргументируя его тем, что «несмотря на триумф Просвещения и наш победный этноцентризм все-таки остаются необъясненными и потому темными многие зоны, касающиеся религиозности, воображения, коллективных чувств, нашего отношения к смерти, к анималистическим инстинктам в чело-

веке.» Отсюда меткое, злое, и не очень характерное для французских интеллектуалов в отношении собственной культуры название «Ослепшие просветители».

Режис Дебре, спектр Вашего творчества очень широк. Он простирается от политического ангажемента до научного социально-политического анализа, от Вашей постоянной презентности в средствах массовой информации до резкой критики по поводу их методов. Следствием стало рождение новой науки, которую Вы назвали медиологией. Вы занимаетесь исследованием проблем современности вплоть до интенсивного углубления в историю искусства, философии, религии. Из Ваших публикаций становится ясно, что Ваш интерес привлекает меньше религия сама по себе, а скорее сам феномен религиозности и веры. Могли бы мы подробнее обратиться к этой теме.

Религия связана с представлением об институте, будь то церковь, клир, через которые она осуществляет контакт с персонифицированными божествами. Религиозность же, в отличие от религии, не нуждается ни в какой конфессии, она не нуждается даже в боге и манифестируется также в секулярных формах. Большие идеологии 20 века — коммунизм и фашизм были секулярными религиями и по своей сути атеистическими. Можно обойтись без религии, но нельзя обойтись без религиозности.

И это в свою очередь связано с пониманием le sacré, сакрального, священного, святого.

Как Вы оцениваете работы на эту тему философов религии, таких как Рудольф Отто, Роже Кайва, Мирче Элиаде, Рэне Жирар, исходя из Вашего собственного мировоззрения и понимания le sacré?

Особенно Рэне Жирар оказал на меня влияние, наверное потому, что он осветил le sacré с психологической стороны. Что же касается того, как я понимаю le sacré, то могу сказать следующее. Я вижу в le sacré, хотя это трудно передать дискурсивно, результат логического механизма, который в многообразных формах пронизывает все культуры и общества. Конечно, и здесь нужна дифференциация понятий. Следует различать le sacré и la sacralité. Мы уже говорили о том, что нет необходимости углубляться в область сакрального для того, чтобы найти религиозность, также нет необходимости обращаться в сферу религии для того, чтобы найти сакральное. Люди, которые приходят к мавзолею Ленина, чтобы поклониться мумии, не совершают религиозный ритуал: они находятся чисто в сфере действия сакрализованного государства.

Le sacré du collectif — это все то, что группе, коллективу, обществу представляется лучшим, значимым и ценным. В сакральном выражается чувство группы, коллектива, общества, более того, le sacré лежит в его основании и именно оно, по сути, делает возможным существование общества. Вера, которая создает взаимосвязи между членами общества,

гарантирует социальный порядок. Le sacré может свести разнообразные импульсы в одну единую силу благодаря тому, что открывается трансцендентной ценности вне области имманентного.

Другими словами: речь идет одновременно о закрытости и открытости. Например, закрытость отдельной группы возможна только благодаря ее открытости по отношению к какой-то цели. И не важно, идет ли в данном случае речь о мифе, о потерянном рае, о светлом будущем или о тексте Конституции США. В этом и состоит понимание сакрального. Оно не подлежит манипуляции, так как человеку не дано им обладать. Если человек будет противоречить сакральному, то тем самым он ставит под вопрос самого себя и свое собственное существование. Так возникает противоречие между социальным и сакральным. Это значит, что, в конечном счете, не существует атеистического общества, и уж совсем не существует агностического общества, и даже тогда, когда оно лишилось своего бога. Нет общества без трансцендентности. У Советского Союза был Ленин, у США Жорж Вашингтон и Конституция, у Франции — миф Республики и Дантон.

Вера держит людей вместе. Эта откровение кажется банальным, и все же оно невероятным образом лишает иллюзий и потому оно печально. Все равно как и насколько мы умножим наши знания и будем способствовать тем развитию наук и создадим все более субтильный технологический инструментарий, мы все равно остаемся верующими животными до тех пор, пока мы живем в коллективе. Вследствие этого, многие из современных концепций, обещающих нам в конце пути счастье, исчезновение безумия и отчуждения, странным образом оказываются выхолощенными именно потому, что они путают человека верующего с человеком знающим, индивидуума с коллективом. Коллектив всегда подчинен законам веры. И если основать общество из математиков, физиков и химиков, то нужно будет обязательно дать ему ведущую фигуру, литургию, ритуал, устав, программу, и это тогда и составит только уже, в данном случае, le sacré агностического сообщества.

Значит ли это, что результат характерной ограниченности индивидуума также, как и коллектива проистекает из потребности безграничного. Уже одно это характеризует их и определяет их своеобразие.

Да, любое ограничение несет в себе требование открытия чему-то всеобъемлющему. Это ясно проявляется в классическом взаимоотношении между телом и душой, материей и духом. Отсюда протягивается граница необратимой антропологической константы. Нужно сказать, что помимо всего прочего, эта идея находится в резком противоречии с господствующими сегодня тенденциями. Мы привязаны ко всеми любимой утопии, а именно, к представлению о мире без границ. Достаточно привести пример «Врачи без границ», «Репортеры без границ» и т.д. Но, по-моему убеждению, нам нужны границы — физические или символические. И если случается так, что эти границы исчезают, то мы обязательно создаем вместо них новые. К этому выводу приходишь, наблюдая государственные отно-

шения. Как только культурная идентификация нации теряет свои контуры и начинает постепенно расплываться, тотчас срабатывают механизмы регионализма, которые иногда, даже в рамках одного города, перерождаются в патриотизм своего квартала. Люди снова начинают «обносить забором» свое место обитания, территорию, которую они считают своей. Они отгораживаются от другого, чужого, и это наглядно показывает то, что они не могут жить в безграничном, как океан, мире.

В этой перспективе *le sacré* не связано с чувством бесконечности. Скорее, оно связано с потребностью сохранить свое место жительства, сохранить свою культурную идентичность, через которые себя осознают как личность, так и коллектив. Это, безусловно, пессимистическая гипотеза, но история подтверждает ее, так же как ее подтверждают и актуальные события в мире.

Вы высказали точку зрения, согласно которой укорененный в обществе человек волей-неволей ориентирован на сверх-цели, которые он считает священными и реализует их в своих религиозных, мифологических или метафизических проектах. Сегодня, однако, сами люди и государства, власти которых управляют обществом, во все возрастающей степени проходят процесс секуляризации. Это дает Вам повод сформулировать мысль о том, что чем менее религиозна светская власть, тем более светской становится власть религиозная.

Здесь мы имеем дело с принципом коммуницирующих труб. Если светская власть не располагает более никаким религиозно-духовным содержанием, иначе говоря, если государство десакрализовано, то церковь и клирос обращаются к светскому. Я сомневаюсь, что потеря политического авторитета принесет людям больше свободы. Вероятнее всего, что это ведет к политизации духовно-религиозного авторитета. Бывший Советский Союз представляет собой наглядный пример. Сакрализованное государство под знаком коммунизма подлежало секуляризации и, вследствие этого, церковь проявляет себя сегодня как значительная светская власть. Нужно только выбрать меньшее из двух зол. Индивидуальное и коллективное благо никогда не идут рука об руку. Попробуем тогда дать преимущество таким религиям, которые меньше весят на весах зла.

В Вашей книге «Государство-совратитель» (L'Etat séducteur) Вы описываете современное государство как искусителя, который со своей стороны подвержен искушению, ибо государство вынуждено отказываться от своих первоначальных идеалов и основывать свою современную политику преимущественно на принципе «здесь и сейчас».

До «государства-искусителя», однако, существовало «государство-воспитатель» в своей традиционной республиканской форме. К его основным функциям относились: ликвидация безграмотности в массах, введение обязательного школьного образования, создание разветвленной сети желез-

ных дорог и, не в последнюю очередь, прессы, которая бы культивировала, в кантовском смысле слова, ученые дискуссии в обществе, как это понимали еще в век Просвещения. Это было государство, которое устанавливало обязательные строгие нормы и разрабатывало проекты исторического масштаба, и могло даже предложить историю философии, со всеми как позитивными, так и негативными последствиями.

Сегодня же, напротив, мы имеем государство, которое полностью зависит от общественного мнения, ориентировано на логику спроса, а не предложения. Государство пытается установить как можно точнее, чего же люди собственно хотят. С этой целью их опрашивают, с этой целью исследуется рынок, с этой целью проводится политика в соответствии с теми или иными мнениями и потребностями, что способствует ни политической воле, ни рациональности, а эмоциональности, демагогии и известной податливости. Место дипломатии занимает социальный или гуманитарный аспект. Этот сдвиг происходит вместе с потерей абстракции, а вместе с ней и идеализма.

Ваша аргументация опирается в значительной степени на тот факт, что представители исполнительной власти средств массовой информации сами оказываются заложниками этой системы, что не оставляет им никакой возможности извлекать пользу из своих же рыночных методов. Таким образом получается, что относящийся к делу дискурс звучит как реликт прошлых эпох.

Да, я говорю о западном государстве с эффективной системой коммуникаций, в которой президент, премьер-министр или канцлер постоянно должны появляться на экране. Я говорю о министерствах, где отдел прессы имеет более высокий ранг над всеми остальными отделами, о высоких политиках, которые ежедневно приобщают в советники многочисленных исследователей. Я говорю о государстве, в котором глава государства все больше становится похож на актера, как в случае с Рейганом — который попал в президенты прямо из шоу-бизнеса, и гражданах, становящихся лишь потребителями. Были и есть некоторые главы государств, понимающие государство как воспитателя и практикующие культ государственности, но и в их идеализме опять же скрыта опасность, заключающаяся в ущемлении прав и социальных требований граждан.

Негативные влияния медиократии — термин, который Вы также ввели в активное употребление, проявляются не только в политическом секторе. Скорее Вы видите в ней угрозу для общественной и культурной жизни.

Термин *медиократия* означает не только власть медиума, то есть посредников, но также и власть посредственности (*mediocre*). И эта власть постоянно растет. В той степени, в которой творец, создатель отстывает

на задний план, его интерпрет, то есть медиум, опосредующий связь произведения с общественностью, завоевывает все большее значение. Возьмем, например, театр. Люди идут смотреть не пьесу Расина, а постановку этой пьесы известным режиссером. Или в музыке. Дирижер или, скажем, солист стоит в свете рампы, а вовсе не композитор, написавший музыку. Такое же положение наблюдается и в литературе. Модератор популярной литературной программы играет куда более значительную роль, чем автор, которого он представляет. Тем самым он занимает ту же самую доминантную позицию, что и журналист, который посредством своих комментариев оказывает влияние на политические события.

Эти симптомы указывают на то, что постоянная и повсюду происходящая коммуникация постепенно становится само собой разумеющимся явлением, но она расширяется именно за счет потери самого содержания, которое не доводится до сведения, а просто забывается, теряется по дороге. Поэтому Вы четко разделяете понятия «transmettre, transmission», что означает «передавать, сообщать» и понятие опосредованной передачи этого сообщения.

Сообщать — это значит распространять информацию в пространстве. Опосредовать передачу — значит распространять информацию во времени. Акт передачи информации — это то, что собственно и представляет собой культуру, это именно то, чем человек отличается от животного. Животные понимают друг друга посредством акустических и визуальных сигналов, но одно поколение практически ничего не передает последующему. Человек же, напротив, единственное живое существо, которое помнит о своих предшественниках и передает своим детям завоеванные им знания.

«L'homme est le seul animal à savoir quelque chose de son grand-père». Ваша знаменитая цитата: «Человек — единственное животное, знающее что-то о своем дедушке».

Хм. Да. Так вот в результате этого возникает творческая преемственность. Человек — единственный из всех живых существ в состоянии творить свою историю, собирая опыт прошлых поколений, делая из него выводы и извлекая пользу. Мы даем нашим символам письменное и образное выражение, мы как бы вписываем в материю то, что с нами должно было бы исчезнуть.

Таким образом, получается, что это материя обеспечивает существование духа или, говоря другими словами, это техника, которая способствует развитию культуры. Под техникой я понимаю все то, что не относится к генетическому наследию человека и должно быть изучено, как письменность, например, — в то время как способность к языкам дана нам от рождения.

Именно эта передача приобретенных в процессе развития человечества свойств сегодня находится под угрозой. Охватившая весь мир коммуникация мешает этой исключительно важной передаче культурных ценностей и опыта прошлого или, по меньшей мере, затрудняет ее. Мы все лучше осваиваем пространство, при этом все меньше и меньше владеем временем.

Может быть это звучит консервативно, но например, культурные традиции, характеризующие активным присутствием прошлого в настоящем, проигрывают на глазах. (Например, архаические традиции народов Африки, индейцев Латинской Америки и т. п.). Хотя мы и обладаем необычайными коммуникативными средствами, но наши институты, которые служат этой цели — семья, школа, университет, академия, то есть все формы организации жизни человека в обществе — стоят перед очень серьезными проблемами в выполнении своей задачи, — живо сохранить и передать духовное наследие следующим поколениям. Вследствие этого, я полагаю, что не коммуникация является основополагающей базой антропологии, а передача накопленных ценностей, потому что она изначально свойственна человеку и представляет его суть.

Учитывая эту аргументацию, становится понятной Ваша критика в адрес Cyber-демократии. Для Вас Интернет – это виртуальная сеть, которая беспрепятственно растягивается не только по горизонтали, но, волей-неволей, и по вертикали. Каковы в этом случае Ваши прогнозы на будущее?

Я не пророк и не люблю предсказаний, футурологи всегда ошибаются. Кроме того, мы еще вовсе не знаем, что же это собственно такое Интернет, и с какими последствиями мы столкнемся в будущем. Я только задаю себе один вопрос: « Действительно ли правы техно-миллениаристы или техно-оптимисты, когда они полагают, что посредством Интернета можно структурировать группы или даже целые демократии?» К таким оптимистам относится например, Пьер Леви...

Да, я очень ценю его, он без сомнения выдающийся мыслитель технологического процесса. В одном отношении все-таки мы представляем различные мнения. Он связывает с Интернетом всякого рода надежды на будущее в области политики, что я считаю утопией. Как я уже ранее сказал, всякое общество нуждается в четко обрисованной области закрытости. Интернет же в высшей степени непоследователен и лабилен. Конечно, можно облегчить процесс обмена знаниями, но все же нереально сплотить издали какую-либо группу или же основать целую культуру. Интернету, как любому другому техническому новшеству, свойственны амбивалентные черты. Не стоит преуменьшать его значение, как это делают гуманисты, которые всегда и во все времена презирали машины и аппараты. Но не следует, однако, и преувеличивать это значение или превращать в фетиш, как это делали некоторые в 19 веке, полагая, что железные дороги будут способствовать миру во всем мире, так как в результате сокращения времени

путешествий народы смогут быстрее передвигаться и станут в скором времени лучше понимать друг друга.

Сложный вопрос, который меня занимает, и на который я, вероятно, так и не найду ответа, звучит так: «Что в человеке неизменно и что меняется или что можно изменить?» Очевидно, что в натуре человека есть, с одной стороны, — константные свойства, которые остаются нетронутыми техническим прогрессом. С другой стороны, есть и переменные свойства, могущие быть подверженными глубоким изменениям. Например, с момента изобретения письменности мы больше не обладаем такой хорошей памятью, как раньше. Уже Платон жаловался и предостерегал, что вследствие появления письменности человечество потеряет память, потому что мы запечатлеваем наши мысли и воспоминания на папирусе. И это верно. По сравнению с нашими предками мы сегодня уже вовсе не в состоянии читать наизусть длинные пассажи из эпоса Гомера. Мы лишаемся памяти, стремясь зафиксировать все в книгах, на кассетах, пластинках и прочих новейших электронных средствах. Таким образом, технический процесс способствует тому, что мы утрачиваем ранее свойственные нам качества или переносим их на носители вне нас самих.

Именно здесь и возникает проблема, интересующая медиологов: «Насколько серьезно следует принимать технику?» Я бы ответил так: «Ее нужно принимать более серьезно, чем технофобы — представителем которых следует назвать Хайдеггера — хотели бы это признать. Для них, метафизиков, техника равнозначна гибели и отчуждению от истинного существа человека.

В моих же глазах, именно благодаря и посредством своих орудий труда человек развивается в того, кем он и должен стать в рамках цивилизации. У него нет постоянной, ничем не ограниченной сущности, напротив, он постигается именно через это изменение, через это становление. Достижения техники движут его вперед. Это не значит, однако, что я становлюсь технофилом и верю в то, что Интернет раз и навсегда покончит с политическими конфликтами человечества. Мы должны выстраивать курс между обоими экстремальными направлениями.

Вернемся снова к медиологии, о которой мы здесь говорили, о которой Вы писали в «Cours de médiologie générale», а также в книге «Vie et mort de l'image». Практически впервые Вы обратились к этому вопросу еще в 1979 году в эссе «Le Povoir intellectuel en France», когда был заложен первый камень в фундамент медиологии, так как Вы именно тогда начали свои размышления о роли средств массовой информации и их воздействии на общество, что позднее привело Вас к основанию журнала «Cahiers de médiologie» (Медиологические тетради), который Вы начали издавать с 1996 года. Итак, медиология представляет собой своего рода универсальную науку о медиальных средствах и объединяет в себе историю искусства и религии, технические знания, социологию и философию. Какие духовные предпосылки характеризуют медиологию, каковы ее цели?

Сам неологизм «медиология» обозначает трансмиссию сообщения, то есть перенос информации. Таким образом, медиология — это не наука в точном значении этого слова, хотя я не хочу склонять голову перед терроризмом научности. Медиология — это скорее исследование, охватывающее определенную проблематику. Это, если хотите, своеобразный способ видеть вещи.

Медиология включает в себя исследование высших социальных функций и их отражение в зеркале идеологии, искусства, религии, политики, а также их взаимоотношение с основными носителями ценностей. Например, ее интересуют такие вопросы: «Как абстрактная идея становится материальной силой?», «Что такое сила идеи?» и т.п.

Исходя из медиологической перспективы историю можно разделить на три, так называемые, медиосферы. Первая медиосфера — *логосфера*. Эта сфера еще не знала искусства и не была выделена из религиозного сознания. Второй медиосферой стала *графосфера* (graphosphère). В этот период появляется искусство и выделяется в самостоятельную область. Ремесленник, художник, скульптор становится человеком искусства.

С 15 века до вчерашнего дня книгопечатание определяло графосферу. Сегодня же нас окружает *видеосфера*, в которой, на основе изменившегося ощущения времени, сиюминутное триумфирует над вечным, внешнее над внутренним, реактивное над дискурсивным. И эта видеосфера уже переходит в своего рода гиперсферу, которая состоит преимущественно из дигитальных сигналов.

В нашу эпоху тотального господства медиасредств и перенасыщенности информацией невольно задаешься вопросом: Что правда, а что манипуляция, игра различных интересов?

Нам следует знать, что любая медиосфера использует свои критерии достоверности и недостоверности. При этом поневоле возникает вопрос «Кому можно верить, а кому нет?»

Платон ответил на этот вопрос в отношении логосферы. «Ни в коем случае нельзя полагаться на чувственное восприятие, следует руководствоваться только продуманной идеей».

Декарт в отношении графосферы выразил мнение, что мы можем верить своим глазам, то есть тому, что видим, но при условии, что объекты, видимые нами, можно определить и идентифицировать.

В видеосфере ни идея, ни метод, ни правила, ни масштаб не играют решающей роли, важен только образ. Видеть — автоматически означает понимать. И здесь больше нечего добавить. Мы говорим: «Это правда, я читал в газете. Это правда, я видел по телевизору.» То, что мы видим, не нуждается в аргументах, оно только может быть заменено другим видеообразом. Кроме того, мыслями можно обмениваться, переводя их с одного языка на другой, но нет словаря для перевода того, что мы видим. И каждый при этом видит по-своему.

Уравнение визуальной эпохи: «*Видимое=Реальное=Истинное*» вводит нас в новый порядок отношений. Мы впервые в истории цивилизации совершаем опыт с аппаратами, с полным убеждением в том, что то, что мы видим с их помощью, есть реальность и истина. Мы — первая цивилизация, которая установила равенство между *Образом, Реальностью и Правдой*. Весь прежний опыт, в том числе и наш собственный, еще недавний в масштабе цивилизации, говорит о том, что изображение мешает *видеть*. Сегодня же, напротив, изображение считается доказательством: то, что можно изобразить, нельзя отрицать, нельзя не принимать во внимание.

И вот теперь, когда рынок с помощью медиаиндустрии во все возрастающей степени закрепляет свои медиаобразы, уравнение видоизменяется и приобретает следующую форму: «То, что нельзя продать — есть фальшивое, негодное, как бы не существующее». *Реальным, Ценным и Истинным* считается только то, что хорошо продается, что пользуется спросом. Публика при этом считается единственным справедливым судьей. Не мудрено, что после включения в рыночные отношения *Истинного и Правильного*, торговля начинается и *Реальным* (например, человеческими органами).

Исчезновение «Невидимого» становится, к сожалению, фактом. Как Вы это объясняете с точки зрения медиолога?

В *логосфере*, которая следовала непосредственно за изобретением письменности, то, что на самом деле существовало в действительности, как бы отсутствовало, так как все «Видимое» находилось под подозрением, как — в египетской, греческой, византийской и средневековой культурах — в прошлом, а сегодня — в буддистской, индуистской и анималистических культурах. В двух из трех монотеистических религий Всемогущий не имеет ни лица, ни тела. Он есть слово. Изображать бога считалось преступлением и безумием. И только в христианстве существовал материальный образ бога и святых. С *графосферой*, которая появилась уже в результате книгопечатания, «Видимое», изображение, снова обрели свое достоинство, но все же как нечто второстепенное, продиктованное необходимостью, и регулируемое, логически объяснимое с помощью дискурса или абстракции. «Для геометрии лучше всего годится слепой», — писал Декарт. Тогда считалось само собой разумеющимся, что мир объясняется именно через то, что спрятано от нас, скрыто от нашего глаза. В этой сфере, как заметил Клодт Леви-Стросс, «правда проявляется в тщательности, с которой она пытается спрятаться». В *видеосфере*, в которой мы с вами живем, эта «скрытость от глаз» становится доказательством фальши и неприспособленности, и вызывает подозрение. То, что не визуализируется, не существует. То, что состоит из слов, существует только в момент пока они произносятся.

Вернемся все-таки к самому термину l' image. Что он обозначает и какова его роль в жизни человека, в его истории?

Что касается *l' image*, образа, изображения как такового, заметим, что речь идет не о том образе или изображении, который представляют,

а который создают. Так вот, чтобы понять его воздействие на нас, мы должны, прежде всего, знать, как он рождается. Следовательно, нужно исследовать необходимые для этого техники — наскальную живопись в пещерах периода раннего палеолита, скульптуры, рельефы, фрески, иконы вплоть до фотографии. И параллельно с этим изучить историю содержания верований, так как образу верили и относились к нему по-разному в соответствии с эпохой и внутренней позицией. С точки зрения западного мира у *l'image* своя история.

В начале истории иконографии образ был средством, который помогал человеку выжить, пережить разные жизненные испытания, защитить себя и чувствовать под покровительством, поэтому человек верил в его связь *l'image* с невидимыми силами и считал его, вследствие этого, магическим.

С возникновением термина «искусство» в 15–16 вв., первых музеев и собраний картин *l'image* становится средством эстетического наслаждения. Может быть век искусства был всего лишь коротким интермеццо между веками идолов и визуальной эпохой, в которую мы вступили. Сегодня у *l'image* отнято его первоначальное содержание и он становится лишь средством для передачи информации, будь то в области рекламы или науки. Вследствие культурного и технического переворота, а также смены акцентов и изменений в понимании ценностей, изменился и статус *l'image*, его роль в жизни человека, значительно расширились области его использования. Изучение этих процессов и составляет предмет медиологии, которая стремится проникнуть по ту сторону *l'image* и с помощью медиологического анализа установить то невидимое, что кроется за оболочкой видимого.

Разрешите в завершение два вопроса, касающиеся Ваших политических убеждений и Вашего прошлого. При президенте Франсуа Миттеране Вы были советником по внешним делам. Как сегодня, оглядываясь назад, Вы оцениваете работу с ним? Что осталось от этого опыта?

Не очень много. Склонность философов вмешиваться в политику, оказывать на нее влияние, известна издавна. Я не хочу прятаться за спины больших мыслителей, которые предприняли этот шаг, но уже Платон писал *Politeia* и состоял советником при тиране Дионисии I, и не смог его убедить. Декарт находился некоторое время при дворе шведской королевы Кристины, Руссо предлагал проект конституции Польше. Мой политический ангажемент в качестве советника был относительно коротким. Моя работа проходила в значительной степени в соотношении с тогдашней французской мифологией, которая базируясь на прошлом опыте, упиралась в представление о том, что Франция, как и прежде, может представить Европе и всему миру свои выдающиеся достижения. Ну, хорошо, Вы разбередили мои старые раны, вернули меня к моему прошлому. Тогда я скажу: «Я рассматриваю эту фазу моей жизни, связанную с актуальной политикой, как законченную, я не отрицаю ее, но и не сожалею о содеянном».

А что осталось в Вашей жизни и в памяти от времени, когда Вы находились рядом, можно сказать, плечом к плечу с легендарными фигурами 20 века, команданте Че Геварой и Фиделем Кастро, и вели жизнь пламенного революционера?

Мне понадобились годы, чтобы лучше понять тот опыт и затем осмыслить его на 400 страницах моей книги *Loué sois notre Seigneur*. В ней я писал о марксизме как о христианской ереси или секулярном мессианизме, о представлении Че Гевары о «новом человеке», которое восходит к евангелисту Св. Павлу и, в конечном счете, содержит в себе спиритуальную мистику, о революции как последнем большом проявлении веры, по крайней мере это относится к Западу, о моем существовании как интеллектуала, монаха и солдата перед лицом глубокой пропасти, которая всегда отделяет революционную идею от ее воплощения в практику... Нужно уметь признавать свои ошибки, анализировать свое прошлое, не лишая его собственного достоинства.